

Не знаю, как устроены другие семьи, но в их доме не было принято водить Хэ Шияо за покупками, потому что в доме и так всё было.

Мать Хэ и отец Хэ, покупая что-либо, кроме еды, привыкли брать всё в двойном экземпляре: одно — для Кун Цин, другое — в комнату Хэ Шияо.

Когда они переступили порог, Хэ Шияо чувствовала себя немного скованно, переживая, что её не повели за предметами первой необходимости. Но стоило войти, как она остолбенела: одних только домашних тапочек у порога стояло несколько пар — выбирай любые.

У неё было всё то же, что и у сестры, даже те вещи, которые сестра уже успела сломать и выбросить.

— Яояо, если что-то в доме не нравится, прямо говори маме. Мелочи купим сразу, а по поводу крупных вещей устроим собрание и решим, как их заменить.

— Собрание?

— Да, семейный совет. Решаем голосованием. Можно воздержаться, а если голоса разделятся поровну — играем в камень-ножницы-бумага. Не волнуйся, у нас всё по-честному, — пояснила Кун Цин.

— Оу.

— И не бойся, что родители станут обделять меня вниманием из-за того, что пытаются возместить тебе упущенное, или что они будут предвзяты ко мне и проигнорируют тебя. В нашей семье всё решает удача, — добавила Кун Цин.

За ужином Хэ Шияо сполна прочувствовала, что такое эта удача.

Няня спросила, подойдет ли на ужин лапша — ведь по обычаю, когда приезжаешь, едят лапшу.

С самой лапшой все согласились, но ведь одной лапшой сыт не будешь, нужны добавки. И тут начались разногласия по поводу овощей.

Хэ Шияо было всё равно, она была неприхотлива в еде. Но когда она увидела, как сестра, отстаивая право собственности на куриную ножку, встала на стул и начала играть с отцом в камень-ножницы-бумагу, ей захотелось поскорее покинуть место действия.

Оказалось, это всё правда, но почему же так стыдно?

Мать Хэ похлопала её по плечу:

— Привыкнешь. Дальше будет ещё стыднее.

Кун Цин резко обернулась:

— Я всё слышала!

Вечером, перед сном, когда родители ушли в свою спальню, Кун Цин тайком пробралась к Хэ Шияо в постель и прошептала:

— Хочешь поговорить о том, что было раньше?

Хэ Шияо покачала головой.

— Тогда давай поговорим о нашем будущем, — предложила Кун Цин.

Хэ Шияо кивнула:

— Угу.

— У тебя хорошие оценки?

— Нормально.

— Вот и отлично. У меня оценки плохие, так что семейная компания в будущем, скорее всего, будет на тебе. — Кун Цин наконец-то смогла переложить этот груз.

— М?

— Если не любишь экономику или управление — ничего страшного, мама сказала, можно нанять людей, которые будут всем заведовать, — Кун Цин старалась сгладить углы.

— Не то чтобы я не любила.

— Тогда ты не будешь считать меня обузой? В конце концов, тебе, возможно, придется меня содержать, — Кун Цин решила с самого начала внушить ей эту великую миссию — наследовать бизнес и заботиться о сестре.

— Не буду.

— Тогда можно я сегодня посплю с тобой?

— Можно.

За дверью послышался голос матери:

— Цици, дай сестре отдохнуть. Ты во сне ворочаешься, не мешай ей.

— Мама, я не буду! — Кун Цин наотрез отказалась уходить.

Приближался Новый год, вся семья переночевала дома, а на следующий день отправилась в родовое поместье. Няня ушла в отпуск.

Кун Цин водила Хэ Шияо вокруг дома дедушки и хвасталась напропалую, буквально сияя от гордости, каждому встречному повторяя:

— Это моя младшая сестра!

Дошло до того, что Хэ Шияо с вежливым недоумением спросила:

— Здесь такие обычаи?

— Нет, просто я счастлива и хочу похвастаться, — с гордостью ответила Кун Цин.

Хэ Шияо не понимала, но уважала её чувства.

Кун Цин с маниакальным упорством знакомила Хэ Шияо со всеми родственниками, и мать Хэ весь день не могла скрыть улыбки.

Накануне Нового года, в качестве кульминации, бабушка и дедушка подарили каждой по маленькой золотой рыбке. Настоящей, из золота.

Кун Цин сладко произносила добрые пожелания. Хэ Шияо было неловко, но она старалась повторять за ней.

Затем потянулась черед дядьев и тетюшек, и у девочек набралась целая стопка красных конвертов.

Вечером в своей комнате Кун Цин прошептала:

— Вернемся домой, я отдам тебе твою долю. Я их так надежно спрятала, что мама не забрала.

Хэ Шияо опешила:

— О чем ты?

Кун Цин пересказала то, что помнила о выходках Хэ Шици:

— Ну, конверты с деньгами. До пяти лет я не помню, а после пяти всегда требовала две порции. Раньше забывала, но теперь верну тебе.

В этот момент Кун Цин вдруг осознала, что Хэ Шици, кажется, вовсе не была против этой сестры, просто она всегда была погружена в безответную любовь и жажду внимания.

Но всё это давало обратный эффект.

А вот искреннее выражение любви, кажется, гораздо лучше отзывается в ответ.

Кун Цин протянула руку и обняла Хэ Шияо под одеялом:

— Яояо, добро пожаловать домой.

Хэ Шияо тихо ответила, уткнувшись лицом в подушку, и замолчала.

Кун Цин почувствовала её тихие всхлипы и обняла ещё крепче.

На следующее утро, по обычаю, они отправились на кладбище, и Кун Цин водила Хэ Шияо от могилы к могиле, представляя её всем предкам.

Это стало для Хэ Шияо очередным шоком, ей снова захотелось сбежать.

В обед Кун Цин поспешно рассылала всем поздравления с Новым годом.

На второй день, когда они приехали к семье матери, Кун Цин внезапно притихла, перестала всех представлять и стала тише воды, ниже травы.

Мать Хэ подтолкнула отца Хэ:

— Что-то не так. Она слишком странно себя ведет.

Когда появился Чэнь Цзинъи, мать Хэ всё поняла.

Чэнь Цзинъи издалека начал кричать:

— Ой, тетушка, вы уже приехали? Ну как, удалось в этом году заполучить дядюшку?

Кун Цин уткнулась лицом в Хэ Шияо:

— Пусть он проваливает!

Хэ Шияо, немного растерявшись, сказала Чэнь Цзинъи:

— Может, ты уйдешь?

Чэнь Цзинъи, увидев Хэ Шияо, протянул руку:

— Привет, я Чэнь Цзинъи. Давай я объясню тебе родственные связи: мой дедушка — старший двоюродный брат твоей мамы.

Хэ Шияо посмотрела на маму, хотела спросить, все ли родственники такие, но промолчала.

— Яояо, ты не знаешь, твоя сестра полтора года бежит за одним парнем, и до сих пор неизвестно, добилась ли она чего-нибудь.

Кун Цин не хотела видеть Чэнь Цзинъи и продолжала бурчать:

— Уйди отсюда.

— За кем бежит? — спросила Хэ Шияо.

Мать Хэ ответила:

— Вернемся домой — познакомьтесь. Его зовут Се Юйму, он из нашего жилого комплекса и учится в одном классе с Цици. Он лучший ученик на курсе. В следующем семестре ты тоже перейдешь в класс к Цици, если чего-то не поймешь — спрашивай у него, он очень хороший парень.

У Хэ Шияо возник огромный вопрос: неужели девушки из богатых семей тоже должны поскорее найти себе мужа? Но вслух она лишь ответила маме:

— Хорошо.

Чэнь Цзинъи продолжал дразнить Кун Цин:

— Тетушка, я слышал, что весь месяц перед экзаменами ты каждый день ходила к нему домой, и до сих пор ничего не вышло!

Кун Цин отстранилась от Хэ Шияо и посмотрела на Чэнь Цзинъи с яростью, готовая убить взглядом:

— Между нами всё чисто, не болтай ерунды!

Хэ Шияо посмотрела на мать Хэ.

Мать Хэ пояснила:

— Я сама в недоумении. Она начала бегать за ним с первого класса старшей школы. Сначала, видимо, методы были не те, а во втором классе она наконец-то прозрела. Недавно Се Юйму попал в аварию, его одного отправили в больницу, твоя сестра бегала вокруг него, они даже за руки поддержались, после чего она начала каждый день ходить к нему домой. Но я до сих пор не понимаю, почему прогресса ноль.

Хэ Шияо была в шоке.

Чэнь Цзинъи добавил:

— Тетушка, признайся уже: это ты не можешь или он не может?

Кун Цин:

— Ты такой невыносимый!

Только когда Чэнь Цзинъи закончил болтать, Кун Цин постепенно пришла в себя и продолжила знакомить Хэ Шияо с остальными родственниками.

У бабушки и дедушки по материнской линии они получили ещё по паре золотых рыбок.

Поистине — каждый год с рыбой.

Затем пошли конверты от дяди, от двоюродного дяди, от всех остальных родственников.

Из-за болтливости Чэнь Цзинъи дяди и тети постоянно подшучивали над Кун Цин.

Кун Цин могла только прятать лицо, обнимая сестру, как страус.

Родственников было много, и поздравления растянулись до самого праздника Фонарей.

Шестнадцатого числа они пошли в школу, а домой вернулись только к обеду.

Кун Цин с кряхтением вытащила из-под кровати ящик, открыла его, а затем позвала Хэ Шияо, чтобы та помогла перенести нераспечатанные конверты и золотых рыбок к себе.

Прожив вместе полмесяца, они должны были начать спать в разных комнатах, но Кун Цин никак не могла привыкнуть и среди ночи прибежала к Хэ Шияо с подушкой.

Хэ Шияо каждый раз уступала ей место.

Мать Хэ, видя это по утрам, лишь улыбалась и ничего не говорила.

В первый день занятий возникла серьезная проблема.

Отец Хэ оформил документы для Хэ Шияо и привел её к учителю Чжао, который проводил девочку в класс.

В классе было пятьдесят человек, Хэ Шияо стала пятьдесят первой, и вопрос о том, где ей сесть, стал ребром.

Учитель Чжао немного подумал и решил выставить всех из класса, чтобы устроить глобальную перестановку.

Эта акция буквально выбила всех из колеи.

Учитель Чжао сыграл не по правилам, безжалостно разбив все пары.

Кун Цин и Ван Синьтянь оказались разделены, соседкой Ван Синьтянь стала Чжоу Бинь.

Вэньвэнь тоже отсадили от её соседки, теперь она сидела с старостой.

За спиной Ван Синьтянь теперь сидел Се Юйму, а соседкой Се Юйму стала Кун Цин.

За спиной Кун Цин оказалась Хэ Шияо, а её соседкой стала заместитель старосты.

Заместитель старосты возмутилась:

— Учитель Чжао, если я сяду за Се Юйму, я же не буду видеть доску!

Учитель принес ей деревянную подставку, чтобы она подложила её под стул, и заместитель старосты обиженно замолчала.

У остальных дела обстояли не лучше: компании друзей были разбиты, влюбленные пары — тоже, даже спортивные напарники оказались в разных концах класса. Лишь тем, кто успел расстаться, повезло не сидеть вместе.

У стола учителя оставалось одно место, предназначенное для самого отстающего в классе. Учитель Чжао объявил, что это место для того, кто занимает последнее место в рейтинге — своего рода публичная казнь.

Ван Синьтянь обернулась и посмотрела на Кун Цин, многие тоже смотрели на неё. У Кун Цин разболелась голова, она посмотрела на Се Юйму.

Се Юйму воспринял всё спокойно:

— Чего ты на меня смотришь? Теперь мне будет удобнее тебя учить. А насчет твоего места — платить или нет, решай сама.

Кун Цин неожиданно подумала, что в этом есть смысл.

Ду Цяоци посадили в другой ряд, её соседкой стала ответственная за быт, очень тихая девочка.

Тот факт, что Кун Цин стала соседкой Се Юйму, всё-таки вызвал бурю обсуждений.

Даже не выходя из класса, Кун Цин чувствовала это: за утро она уже трижды видела учителя Фана, заглядывающего в окно коридора.

Кун Цин вздохнула и ткнула Ван Синьтянь:

— Спасай, может, пойдем поплачем у учителя Чжао?

— Не надо, ты же не с кем-то другим сидишь, зачем что-то менять? — безжалостно отказала Ван Синьтянь.

Кун Цин ткнула Чжоу Бинь:

— А ты? Пойдешь? Будем меняться?

Чжоу Бинь посмотрела на Се Юйму, поймала его взгляд и решительно покачала головой.

Кун Цин повернулась к Хэ Шияо — та усердно училась. Ладно, пусть будет так.

— Неужели соседство со мной вызывает у тебя такой стресс? — Се Юйму отложил ручку и размял суставы пальцев.

Только бы не бить меня, — в голове Кун Цин сработала сирена.

— И правда, не понимаю, что у тебя каждый день в голове творится, — Се Юйму наблюдал за её богатой мимикой и понимал, что в её мозгу уже разыгрывается целый спектакль.

Кун Цин подумала: А я вот не понимаю, что у тебя в голове, — и испугалась.

— Скоро урок, слушай внимательно, не витай в облаках.

— Хорошо.

Урок учителя Чжао был пятым, и сегодня, как назло, Кун Цин с утра была занята разговорами с Хэ Шияо и забыла взять еду. На перемене она уже подчистила запасы закусок у соседей, но всё равно была очень голодна.

Рассеянную Кун Цин безжалостно вызвали отвечать.

Кун Цин в поисках помощи дернула Се Юйму за рукав.

Учитель Чжао невозмутимо произнес:

— Соседям помогать запрещено.

Кун Цин кое-как доплелась до доски, с трудом прочитала задание и попыталась написать хоть что-то.

Записала формулу, подставила значения, добавила немного души — и, довольная, вернулась на место.

Учитель Чжао посмотрел на это:

— Се Юйму, скажи, в чем её ошибка?

Се Юйму искренне не хотел признавать, что это человек, которого он учил:

— На втором шаге формула преобразована неверно, дальше всё неправильно.

Кун Цин закрыла лицо руками.

Учитель Чжао продолжил объяснять, как нужно было сделать, стирая и исправляя то, что написала Кун Цин.

Прозвенел звонок, и стоило учителю сказать, что урок окончен, Кун Цин рванула с места.

В столовой, стоя в очереди, она понимала, что лезть без очереди нехорошо, но Хэ Шияо ещё не успела сделать карту, поэтому Кун Цин взяла две порции.

Чжоу Бинь упаковал одну порцию, чтобы отнести Се Юйму, а потом вернулся поесть.

Когда он вернулся, то увидел крайне взрывную сцену.

Какая-то девушка с подносом подошла к Кун Цин и, не говоря ни слова, вывалила содержимое подноса ей на голову.

Кун Цин ещё не успела среагировать, как Хэ Шияо схватила ту девушку и уже хотела пустить в ход кулаки, но сидевшая напротив Ван Синьтянь вскочила и удержала её, схватив ту за другую руку:

— Здесь камеры, зови учителя!

Начался хаос. Кун Цин, вся в объедках, встала и закричала дежурному учителю:

— Учитель, спасите!

Дежурный учитель с красной повязкой подошел с мрачным видом:

— Что за дела? Вы из какого класса? Что случилось?

— Я Хэ Шици из 2-го класса старшей школы. Спрашиваю вас, вы из какого? — Кун Цин очень хотелось подраться, но раз есть камеры, то кто первый начал, тот и виноват, пришлось сдержаться.

— 8-й класс, Сун Юэнин.

Дежурный учитель посмотрел на них:

— В чем дело?

Кун Цин посмотрела на свою одежду, она была в полном недоумении — на улице зима, это же надо:

— Мы ели, она внезапно подошла и вылила на меня поднос с едой.

Та промолчала.

У учителя разболелась голова, он достал телефон и позвонил классным руководителям обоих классов. Оба учителя ели в столовой для персонала этажом выше, услышав звонок, они тоже вздохнули и спустились вниз.

Учитель Чжао, придя и увидев жалкий вид Кун Цин, едва сдержал смех, пытаясь вспомнить что-то печальное.

Когда пришел учитель Чжан и увидел, что это одна из хулиганок его класса, у него едва не случился приступ.

Дежурный учитель спросил:

— Сами говорите, что будем делать?

Кун Цин подняла руку:

— Я хочу, чтобы она извинилась, иначе я вылью на неё ответку.

Сун Юэнин, хоть и жалела о своей импульсивности, всё же задрала голову и не хотела признавать вину.

Учителю Чжао очень хотелось сказать: чего вы стоите, давайте, выливайте, а потом обе идите мыться.

Дежурный учитель сказал:

— Я пойду посмотрю записи с камер, встретимся в кабинете учебной части.

Кун Цин подняла руку:

— Учитель, можно я пойду помоюсь? Очень холодно.

— Иди, иди, потом вернешься к своему классному руководителю.

— Хорошо.

Они вышли из столовой, обсуждая всё по дороге:

— Что за бред вообще?

— Ты её знаешь? — спросила Кун Цин у Ван Синьтянь.

— Подожди, я кого-нибудь спрошу.

Хэ Шияо вытирала Кун Цин салфетками:

— Поедем мыться домой?

— Да, в общежитии всё равно пусто, на такси домой быстрее, — ответила Кун Цин.

У всех троих были пропуска, так что выходить из школы было легко, особенно в таком виде — с овощным супом на одежде они привлекали всеобщее внимание.

Хэ Шияо спросила:

— А родителям скажем?

Кун Цин:

— Конечно. Посмотрим, как решит учитель Чжао, если не получится — подключим родителей, а если и это не поможет — найдем место без камер и набьем ей морду.

Хэ Шияо кивнула, взяла телефон и позвонила:

— Мама, сестру облили супом, мы сказали учителю. Да, незнакомая, нет, не извинилась. Да, едем домой. Хорошо, пока.

Девочка, а у тебя хватка покруче моей!

Кун Цин пришла домой и помылась, к счастью, няня была дома и быстро приготовила им поесть.

Поев, они вернулись в школу — во второй половине дня ещё были уроки.

<http://bllate.org/book/19938/1962550>